

Черных Сергей Сергеевич

ВЛАСТЬ КАК ФОРМА АНТРОПОГЕННОГО ПРИЗНАНИЯ

В статье анализируется власть как форма антропогенного признания сквозь призму традиции европейской философии. Особое место автор уделяет разработкам данной проблематики в трудах Г. Гегеля, А. Кожева, П. Рикера и А. Хоннета. В качестве ключевого понятия анализируется "авторитет", помогающий осмыслить власть в качестве специфической формы человеческого признания. В статье сделан акцент на легитимных основаниях власти, показано, что признание власти обеспечивает доверие к ней и способствует её почитанию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 208-211. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Таким образом, отчуждение буквально пронизывает все стороны жизни современного социума. При этом его негативные последствия – психические травмы, самоизоляция и связанные с этим страдания людей, множественные межличностные и социальные конфликты – создают реальные предпосылки для возникновения терроризма [7, с. 53]. Автор приходит к выводу, что *имеются все основания рассматривать современный терроризм как один из прямых результатов процессов отчуждения*, возникающий в трудной для индивидов жизненной ситуации. Данное отчуждение формируется в процессе нарушения взаимодействия и возникающего на этой основе социального конфликта между каждой конкретной личностью и окружающим ее социумом. Снятие отчуждения в общественных процессах, формирование неотчужденной личности позволяют устранять одну из предпосылок к возникновению современного терроризма.

Список литературы

1. **Кокорин С. А., Болдырев Ю. Ф.** Мировое сообщество и борьба с терроризмом: история и современность: монография. Волгоград: Панорама, 2007. 500 с.
2. **Крутько Е. А., Рубанцова Т. А.** Детская безнадзорность как феномен социального отчуждения. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2013. 99 с.
3. **Налчаджян А. А.** Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
4. **Никитин А. В.** Терроризм как форма девиантного поведения: автореф. дисс. ... к.ю.н. СПб., 2003. 20 с.
5. **Ортега-и-Гассет Х.** Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп. М.: Весь мир, 1997. С. 233-403.
6. **Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма:** методическое пособие для пропагандистов / под общ. ред. Л. Н. Панковой, Ю. В. Таранухи. М.: Университетская книга, 2010. 312 с.
7. **Чеботарев В. В.** Отчуждение как одна из причин современного терроризма // Дискуссия. Екатеринбург, 2014. № 4 (45). С. 48-54.

SELF-ALIENATION AND TERRORISM

Chebotarev Vladimir Vladimirovich

Siberian Transport University

chebotarev62@mail.ru

In the article the author examines alienation as one of the causes inducing contemporary terrorism to existence. It is shown that terrorism is generated not by alienation itself, but by the process of an individual's exit from the state of alienation. Considering alienation as one of the causes of terrorism appearance, the author thinks that taking measures to overcome alienation will contribute to the reduction of the number of people joining the ranks of terroristic organizations and finally the recession of the level of terroristic threat.

Key words and phrases: civilization; alienation; self-alienation; terrorism; suicide bomber.

УДК 141.319.8:321.01

Философские науки

В статье анализируется власть как форма антропогенного признания сквозь призму традиции европейской философии. Особое место автор уделяет разработкам данной проблематики в трудах Г. Гегеля, А. Кожева, П. Рикера и А. Хоннета. В качестве ключевого понятия анализируется «авторитет», помогающий осмыслить власть в качестве специфической формы человеческого признания. В статье сделан акцент на легитимных основаниях власти, показано, что признание власти обеспечивает доверие к ней и способствует её почитанию.

Ключевые слова и фразы: власть; признание; авторитет; архетипы власти; борьба за признание; желание признания.

Черных Сергей Сергеевич, к. филос. н.

Южно-российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова
s.s.chernykh@mail.ru

ВЛАСТЬ КАК ФОРМА АНТРОПОГЕННОГО ПРИЗНАНИЯ©

Очевидно, что Власть – важнейший принцип общественных отношений, который реализует себя в интеракции посредством вполне устойчивых антропогенных типов. Согласно философско-антропологической концепции, разработанной А. Кожевным, в социальном бытии людей можно выявить четыре «чистых» архетипа Власти (Отца – Господина – Вождя – Судьи) [5; 8]. По сути дела, речь идёт о том, что человек *признает* над собой власть либо другого человека, либо самого Бога. Однако в последнем случае сам Бог в значительной степени очеловечивается и воспринимается посредством тех же вышеописанных архетипов Власти, то есть как Небесный Отец, Справедливый Судья и т.д. Ясно, что с моральной точки зрения людям было бы тяжело *признать* над собой власть космических чудовищ или абсолютно-непознаваемого Божества, которое

невозможно даже помыслить и представить по какой-либо аналогии с человеком. Другое дело *признавать* власть Бога, например, в образе «Небесного Отца», дарующего благодать своим детям, причем заблудшим, но раскаявшимся, часто бо́льшую, чем тем, кто всегда следовал и не отступал от установленных им заповедей. Здесь можно заметить, что между антропологией Власти и её возможной теологией на уровне архетипов обнаруживается вполне устойчивая корреспонденция. Следовательно, *признание* над собой *власти* предполагает определенного рода *доверие* и уважение к ней, из которого проистекает и её *почитание*.

Признание (нем. *Anerkennung*) тематизируется в дискурсе современной философии, во многом исходя из концепции, изложенной в «Феноменологии духа» Гегеля. Сюда можно отнести большинство работ А. Кожева – крупнейшего интерпретатора гегелевской философии XX века, феноменолога П. Рикера и ряда представителей так называемой Франкфуртской школы, прежде всего, А. Хоннета.

Авторитет – ключевой термин, помогающий понять Власть как особую форму антропогенного *признания*. «Авторитет человека (т.е. его выдающаяся человеческая ценность, хотя и необязательно *превосходство*) *признается* другим, когда советам этого человека следуют, когда его приказы исполняются этим другим не потому, что он не мог бы поступить иначе (физически, из страха, по причине какой-нибудь другой “страсти”), но потому, что он спонтанно считает их достойными исполнения, причем не потому, что он сам признает их внутреннюю ценность, но исключительно в силу того, что они даны именно *этим* человеком (как своего рода оракулом), поскольку он признает “авторитет” того, кто их дает» [3, с. 337]. Таким образом, человек (как впрочем, и Бог или боги), чтобы его власть была *признанной*, должен обладать *авторитетом*. Именно поэтому *признанная* власть не может быть редуцирована к «голой силе» и не может осуществляться посредством проявления «чистого насилия» человека над человеком. Ведь даже действительно тираническая власть, чтобы осуществлять насилие над несогласными, должна быть все же признана какой-то частью общества. Правда, в такой ситуации другая часть общества (не важно «меньшинство» или «большинство») будет подвергаться именно «голому насилию». Поэтому власть, основанная на «всеобщем признании» или стремящаяся к такому состоянию как к собственному идеалу, будет минимизировать насилие. А. Кожев, во многом опираясь на тексты Гегеля, полагал, что именно желание признания есть источник права, напрямую связанного с идеей справедливости [3]. Поэтому в *желании признания* реализуется сущность человека (быть признанным другим человеком), конституирующая его общественное бытие.

Итак, Власть должна заключать в себе идею справедливости. Исходя из нее, между людьми будут возникать собственно правовые отношения. Только признанная власть может *убеждать* человека поступать именно таким образом, согласуясь с его конкретными стремлениями и личными интересами. Ведь одно дело покоряться, например, насилию со стороны незнакомых (непризнанных) грабителей, отдавая им деньги в целях сохранения собственной жизни и здоровья, и совсем другое дело – отдавать деньги признанной власти государства в виде налогов на поддержание общего блага. В свою очередь, падение авторитета Власти (Государства, Семьи, Религии) лишает такую власть статуса общественного признания и либо ослабляет её или даже полностью уничтожает, либо делает по сути преступной и незаконной.

Известно, что Гегель стремился понять разум человека в его становлении, то есть как явление вполне историческое. В античной мысли, источнике всей последующей европейской философии, например, в трактате Аристотеля «Политика», обосновывалась справедливость и естественность такого феномена человеческой интеракции как рабство. Более того, согласно мысли Аристотеля, раб не есть человек, поскольку он не является политическим животным, раб – говорящее орудие труда [1, с. 27]. Философ эпохи Просвещения Гегель занимался прояснением того, как рабство могло быть *справедливым* в качестве определенной исторической формы проявления властных отношений, то есть почему и исходя из какого экзистенциального основания раб *признал* своего Господина. Из этой рефлексии проистекает знаменитый отрывок из гегелевской «Феноменологии духа», повествующий о самостоятельности и несамостоятельности самосознания и связанной с ним диалектике господства и рабства [2, с. 115]. В данной связи П. Рикер справедливо указывал, что Гегель в прояснении генезиса диалектической пары Господин – Раб во многом отталкивался от гоббсовского образа антисоциального «естественного состояния» – *Bellum omnia contra omnes* [6, с. 156]. Это замечание в отношении мысли Гегеля представляется нам верным еще и потому, что Аристотель не оперировал таким Новоевропейским образом, как «война всех против всех», считая возможность подобного общественного состояния противоестественным. Однако древнегреческий философ *признавал*, что вполне законным будет обращение в рабство людей, плененных на войне [1, с. 30].

Итак, согласно Гегелю, в результате борьбы не на жизнь, а насмерть, один человек побеждает другого, но не убивает его, а сохраняет ему жизнь. В результате оставшийся жить раб признает своего господина, поскольку последний поступил все же гуманно, сохранив первому его животную жизнь. Более того, в вышеописанной «идеальной» ситуации обращенный в рабство, но оставшийся жить человек, будет испытывать чувство *признательности* по отношению к своему Господину. Кстати, чувство *признательности* за дарованную жизнь испытывает также Сын по отношению к Отцу, и на нём во многом основывается *признание архетипа* Власти Отца. А вот господин, согласно мысли Гегеля, – это тот, кто преодолел свой животный страх смерти и в результате приобрел власть над другим человеком ценой риска потери собственной жизни. Поэтому, согласно философии Гегеля: «Индивид, который не рисковал жизнью, может быть конечно признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания он не достиг» [2, с. 114]. Однако история на этом не заканчивается, напротив, в этой диалектике «господства – рабства» человечество приобретает серьезный импульс своего дальнейшего развития. Ведь в такой ситуации лишенный *признания* раб обязан вновь к нему стремиться. С этого момента для раба начинается его собственная борьба за *признание*.

Тем, что господин отделил (опосредовал) себя от природы рабом, заставил последнего трудиться, он дал ему возможность вновь обрести свою человеческую сущность. Трудясь, раб продолжил реальную борьбу за признание, он изменился. «Трудясь, Раб становится господином над Природой. Так вот, прежде он сделался Рабом Господина только потому, что – на первых порах – был рабом Природы, был слит с ней, подчинялся её законам, ведомый инстинктом самосохранения. Становясь посредством труда господином над Природой, Раб, стало быть, освобождается также и от своей собственной природы, от своего инстинкта, привязывающего его к природе и делавшего из него Раба. Итак, освобождая Раба от Природы, труд освобождает его также от него самого, от его рабской сущности, он освобождает его от Господина» [4, с. 31]. Таким образом, путь человечества от рабовладельческого строя ведет его тернистой тропой к Господству над природой и созданию буржуазного гражданского общества, в котором, согласно мысли А. Кожева, противоречие «господин – раб» снимается в синтезе гражданина. Вышеприведенный отрывок из работы А. Кожева «Введение в чтение Гегеля» также демонстрирует очевидное влияние на его мысль комплекса идей, характерных для марксистской философии (наличие ключевых концептов – труд, борьба), потому что в гегелевской интерпретации Кожева сделан акцент на труд, который, по его мнению, играет важнейшую роль в борьбе за *признание*. Собственно труд превращает самого Раба в Господина над Природой и наделяет его реальными правами быть признанным. Значит труд – это деятельность, направленная на приобретение определенного рода власти (по крайней мере, над Природой). Очевидно, что, в конечном счете, именно труд *освобождает, образует* (согласно, мысли Гегеля, труд тормозит *вождеделение*), посредством него индивид вновь обретает *признание* [2].

Рассматривая власть в качестве формы антропогенного *признания*, необходимо коснуться и ее когнитивных оснований. Речь здесь идет, прежде всего, о том, насколько *при-знание* само является *знанием*. Ведь в случае, когда *власть* понимается людьми именно как *авторитет*, чье существование напрямую зависит от его *признания* другими, подвластным необходимо *у-знать*, идентифицировать воздействующий на них субъект власти. Данная проблематика представлена в работе французского философа П. Рикера «Путь признания». В первом очерке вышеуказанного произведения интересующее нас *признание* (схватывание смыслового единства) рассматривается в качестве *узнавания – идентификации*, представленной в контексте философии Декарта и Канта. Во втором очерке той же работы П. Рикер, ориентируясь на этическую мысль Аристотеля и философскую концепцию памяти А. Бергсона, вводит тему *самопризнания*. Последний, третий очерк его труда посвящен экспликации *взаимного признания* и борьбе за *признание* сквозь призму гегелевской философии йенского периода, а также феномену *признания*, рассмотренному в качестве *признательности* с учетом социально-антропологических работ М. Мосса [6].

Современный немецкий философ А. Хоннет, во многом опираясь на соответствующие построения Гегеля, а также Д. Г. Мида и Э. Дюркгейма, стремится эксплицировать *признание* в качестве важнейшего фактора конструирования социальной сущности человека. Важным аспектом темы *признания*, разрабатываемой в дискурсе его философии, будет акцент на то, что именно *борьба за признание* (и в этом он естественно гегельянец и марксист) – существенный импульс морального прогресса человечества, она просто необходима для полноценного *самопонимания* личности [7; 11]. Согласно А. Хоннету, существуют три основные формы *признания*, соответственно актуализируемые через три сферы (семья – государство – труд) общественного бытия: 1) любовь («первичная забота») формируется в семье и способствует формированию индивидуальной уверенности в себе; 2) право («моральное почтение») способно обеспечить индивиду *самоуважение* посредством защиты его гражданских прав; 3) солидарность («лояльность») повышает *самооценку* личности путем индивидуализации её способностей в сфере профессиональной деятельности [7; 10].

Таким образом, *при-знание* власти зависит и от знания определенной формы власти (теологической, монархической, юридической и т.д.), то есть в нем подразумевается нахождение при нем (*при этом знании*) в смысловом поле его воздействия. В перспективе философско-антропологического рассмотрения данной проблемы продуктивным будет предположить, что подвластный индивид в своих действиях ориентируется (насколько сознательно / бессознательно – другой вопрос) на тот или иной человекоразмерный архетип власти (Вождя – Судьи – Отца – Господина) [5]. Так, например, подвластный должен опознать (идентифицировать) в своем правителе своего истинного Вождя, который приведет его в будущее благое существование. В этой же плоскости лежит *при-знание* авторитета Судьи, способного вынести справедливый приговор. Даже в лице жестокого тирана человек может признать над собой власть заботливого Отца, строгого, ревнивого, но родного и любимого. Подвластный может признать над собой власть Господина, идущего на риск, преодолевающего свой животный страх смерти. Кстати опыт победы буржуазных революций не в последнюю очередь зависел от изменения практических и технологических форм войны, в результате чего дворянское (воинское) сословие лишилось прежнего *признания*, что в значительной степени подорвало его авторитет и способствовало делегитимизации данного типа власти.

Подчинение авторитету, таким образом, предполагает, что подвластный индивид сравнивает реального властителя с тем или иным архетипом и затем в случае его признания *отождествляет* первого с последним. Более того, отдельный властитель может быть отождествлен сразу с несколькими архетипами власти. Это, в свою очередь, эксплицирует наличие связи между *признанием* власти и феноменом *доверия* к власти. Значит, восприятие архетипов власти на индивидуальном уровне не может быть однозначно редуцировано к строго прозрачной очевидности и вытекающей из неё рациональности всеобщего характера, поскольку содержит в себе иррациональный остаток, детерминированный структурами бессознательного. Поэтому авторитет власти во многом зависит от веры людей и доверия к ней. Он, следовательно, во многом родственен религиозному, мифологическому до конца не рационализированному, чувству *признания*. В исторической перспективе *власть* может сравнительно легко лишиться *признания* по аналогии с забытыми пантеонами богов прошлого, которым люди отказали в *признании* потому, что доверие, как и вера, – вещь хрупкая, которую намного легче потерять, чем вновь обрести.

Возвращаясь к архетипам власти важно отметить, что следуя, например, идеалистической интерпретации, их можно «расположить»: в умопостижимом космосе надвременной вечности; или рассматривать в качестве характеристик актуально-сущего Абсолюта; поместить в поле коллективного бессознательного (в-себе свободного от временного становления); заключить в сферу вечного парменидовского бытия. Во всех вышеописанных случаях рассмотрение архетипов власти будет носить метафизический характер [8; 9]. Напротив, в дискурсе материалистической философии (например, марксизма) речь скорее будет идти о кристаллизации архетипов власти, возникших в результате человеческой практики, главным образом усилиями труда, направленного на преобразование материи. Однако в любом случае, именно *признание* является той категорией, которая помогает рассматривать власть и её архетипы в философско-антропологической перспективе. Ведь именно человек желает признания, которое в-себе лишено всякой биологической ценности (стоит над ней). В желании признания таится сущность человека, властная даже побудить его пожертвовать ради признания собственной жизнью. При этом власть – форма признания, характеризующая человека, поскольку он подчиняется ей, исходя не только из соображений страха, но, прежде всего, из разумного уважения к авторитету. Более того, именно человек задается вопросом о том, почему вообще существует власть и почему её признают.

Список литературы

1. **Аристотель.** Политика. М.: АСТ; АСТ Москва, 2010. 393 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
3. **Кожев А.** Атеизм и другие работы. М.: Практикс, 2006. 512 с.
4. **Кожев А.** Введение в чтения Гегеля. СПб.: Наука, 2013. 792 с.
5. **Кожев А.** Понятие власти. М.: Практикс, 2006. 192 с.
6. **Рикер П.** Путь признания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 268 с.
7. **Фурс В. Н.** Борьба за признание и моральное развитие общества в концепции Акселя Хоннета // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 159-171.
8. **Черных С. С.** Архетипические формы проявления власти в антропологической перспективе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2014. № 5. С. 16-21.
9. **Яцевич М. Ю.** Этико-онтологические основания власти в западноевропейской философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52). Ч. 1. С. 217-219.
10. **Honneth A.** Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory. Cambridge: Polity Press, 2007. 275 p.
11. **Honneth A.** The Struggle of Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, UK, 1995. 215 p.

POWER AS A FORM OF ANTHROPOGENIC RECOGNITION

Chernykh Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)
s.s.chernykh@mail.ru

The article analyses power as a form of anthropogenic recognition through the lenses of the tradition of European philosophy. Special attention is paid to the developments of this subject matter in the works of G. Hegel, A. Kozhev, P. Ricœur and A. Honneth. “Authority” is analyzed as the key notion aiding to comprehend power as a specific form of human recognition. The article focuses on the legitimate foundations of power, it is shown that the recognition of power provides trust to it and contributes to its worship.

Key words and phrases: power; recognition; authority; power archetype; struggle for recognition; wish for recognition.

УДК 394

Исторические науки и археология

В статье анализируются проблемы формирования современной национально-гражданской идентичности молодежи Удмуртской Республики. Автор раскрывает сущность гражданской принадлежности и ее особенности на примере удмуртов, русских, татар, проживающих в исследуемом регионе. Определяются условия, факторы и признаки формирования национально-гражданской идентичности молодежи.

Ключевые слова и фразы: идентичность; национально-гражданская идентичность; молодежь; этнос; патриотизм.

Шахтина Юлия Германовна

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
tugoko@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ УДМУРТИИ©

Наряду с происходящими в современном российском обществе изменениями, обусловленными модернизацией и социокультурной трансформацией, проблемы молодых граждан становятся всё более значимыми,